

DOI: 10.15421/272004

УДК 165.43

**И. В Павленко**

*Днепровский национальный университет имени Олеся Гончара, Днепр, Украина*

### **ПАРАДОКСЫ РЕФЕРЕНЦИИ**

**E-mail:** [abissum0@gmail.com](mailto:abissum0@gmail.com)

**ORCID ID:** <https://orcid.org/0000-0001-6798-4903>

**Аннотация.** Рассмотрены апории и парадоксы референциальной теории значения. Последняя может рассматриваться в качестве наиболее универсального и эвристически ценного построения, учитывающего все возможные ситуации языкового взаимодействия. Принципиально важной задачей является объединение в рамках одной теории как семантических, так и коммуникативных аспектов референции. Показано, что в процессе референции происходит смысловое совпадение онтологических структур и эпистемологических процедур, что лишь такое совмещение может прояснить истинный смысл использования языка.

**Ключевые слова:** референция, язык, знак, значение, смысл, контекст, истина.

**I. В. Павленко**

*Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара*

### **ПАРАДОКСИ РЕФЕРЕНЦІЇ**

**Анотація.** Розглянуто апорії і парадокси референціальної теорії значення. Остання може бути розглянута в якості найбільш універсальної й евристично важливої процедури, що включає в себе всі можливі ситуації мовної взаємодії. Принципово важливим завданням є об'єднання в рамках однієї теорії як семантичних, так і комунікативних аспектів референції. Показано, що у процесі референції відбувається смислове співпадіння онтологічних структур і епістемологічних процедур, що лише таке поєднання може прояснити істинний сенс використання мови.

**Ключові слова:** референція, мова, знак, значення, сенс, контекст, істина.

**I. V. Pavlenko**

*Oles Honchar Dnipro National University, Dnipro, Ukraine*

### **THE PARADOXES OF REFERENCE**

**Abstract.** The aporia and paradoxes of the reference theory of meaning are considered. The latter can be considered as the most universal and heuristically valuable construction, taking into account all possible situations of language interaction. A fundamentally important task is to unite in the framework of one theory both the semantic and communicative aspects of reference. It is shown that in the process of reference there is a semantic coincidence of ontological structures and epistemological procedures, that only such a combination can clarify the true meaning of using the language.

The relevance of the chosen topic is due to the growing need to combine the conceptual apparatus of heterogeneous semantic theories into a coherent whole and to resolve the difficulties and paradoxes that arise in connection with attempts to build a unified theory of meaning.

We formulate the main paradoxes of reference:

1. The intent of the creator of the mark is necessary for the implementation of the reference, but the recipient is able to read and understand the mark, not taking into account the intent of its creator.

2. The more real we consider an object; the less ontological transparency it possesses. Or, the most obvious reference to an object produces (reveals) the least obvious conditions for the existence of a given object.

3. The third paradox can be considered the implementation and recognition of the implementation of reference in a language that I do not know. Reference to an unknown object.

4. The fourth paradox (aporia): a picture lying in the basement, or a text that no one will ever read and understand (Borges' Babylonian Library), also carry out a reference. By whom? A reference carried out without a subject. To find out that a name refers to something and to understand how we discover it (epistemological question) – this also means to understand how the name as something refers to something (ontological question). Our operations with words are necessary for names to mean something, i.e. sent to something. Although many unknown names may refer people to something that they have no idea. When do we discover this? Firstly, every time you meet names whose objects are unclear or not given, but only possible. Secondly, nonsense.

This essay is only the first experience in relation to the universal and at the same time pragmatic theory of reference. The difficulties described here are not only and not so much obstacles along the way, but the key points in which our thought is forced to return to itself and its own foundations.

**Keywords:** *references, language, sign, meaning, sens, context, truth.*

## Вступление

В настоящей статье мы рассмотрим ряд положений референциальной теории значения и те затруднения, которые непосредственно следуют из нее.

Актуальность избранной темы обусловлена растущей необходимостью объединения концептуального аппарата разнородных семантических теорий в связанное целое и разрешении тех трудностей и парадоксов, которые возникают в связи с попытками построить единую теорию значения.

Вопрос о том, как соотносятся между собой знаки и то, что они обозначают, можно считать едва ли не современником самой философии. Насколько мы можем судить, данная проблема активно рассматривалась уже античными софистами и составляла одну из основных тем философии Сократа и Платона. В дальнейшем практически все сколько-нибудь значительные философы античности перипатетики, стоики, скептики, неоплатоники так или иначе предлагали свое решение семантических проблем. Впоследствии сформировался круг понятий, обозначающих внеязыковую действительность, или же просто любое означаемое в его разнообразии и различии аспектов, например, вещи реально существующие и объекты вымысла и фантазии. Эти термины (экстенционал, денотат, сигнификат,

референт и пр.) составляют достаточно аморфный словарь современных семантических теорий.

### Основная часть

В своих «Заметках по теории референции» Куайн говорит о разделении семантики на две фундаментально различные области, которые не следует рассматривать совместно. Эти области – *теория значения* и *теория референции*. При этом термин «семантика» более подошел бы только для теории значения. Главные понятия теории значения – это само *значение*, *синонимия* (сходство значения), *значимость* (обладание значением, *significance*) и *аналитичность* (истинность посредством значения), а также *следование* (аналитичность условных высказываний). Главные понятия теории референции: *именование*, *истина*, *денотация* (или истинный для, *truth-of*), а также понятие *значения* переменных [см. 3, с. 130].

К сходным выводам или, по крайней мере, сомнениям, приходит и Витгенштейн в своих заметках: «Вопросы “что такое длина?”, “что такое значение?”, “что такое число один?” и т.д. вызывают у нас умственную судорогу. Мы чувствуем, что мы не можем указывать ни на что, чтобы отвечать на них, и что при этом мы должны указывать на что-то (Мы здесь имеем дело с одним из крупнейших источников философской путаницы: существительное заставляет нас искать вещь, которая ему соответствует)» [4, с. 15].

Существительное *заставляет* нас искать свой «реальный», т. е. неязыковой аналог, означаемое. Даже если это имя собственное. Или герой романа. Или мифологическое животное, например, кентавр. Таково наше отношение к языку. Мы доверяем и доверяемся собственному языковому чувству. Таков первичный и непосредственный экзистенциальный отклик на знак. Знак провоцирует бытие и сам есть бытие. Коль скоро мы говорим об отклике, то и значением какого-нибудь слова в данном случае, например, «солнце», является не само солнце, а его описание, имеющее своим результатом создание ментальной картинки, образа, соответствующего описанию, независимо от того, существует ли сам объект описания или нет. Этот результат и есть значение знака. Легко заметить, что такого результата можно добиться и в отношении т. н. вымышленных объектов («Одиссей», «кентавр», «Гамлет»).

Откликом на знак может быть не только псевдовизуальный или, скажем, звуковой образ, который затем можно воспроизвести, но и некое эмоциональное отношение, не поддающееся простому калькированию и узнаванию. Если в отношении Гамлета или Ивана Карамазова возможен словесный портрет, наподобие полицейского описания, то это невозможно в отношении Снарка или лирического героя стихотворений Георга Тракля. В то же время, часто случается, что шаблонные, быстро приедающиеся образы доводят процедуру узнавания и манипулирования знаками до автоматизма. Герои мелодрам и боевиков в этом отношении вполне сопоставимы с яблоками, столами, деревьями и т. п. Длительное время задачей эстетизма было заведомое усложнение процедуры узнавания, идентификации, опора на внеперцептивные аналоги, апелляция к душевному состоянию, строю мыслей, сверхчувственному опыту реципиента. Или наоборот – избыточная перцепция, как способ превратить знаковую в ассоциативный шифр, когда начинаешь «прозревать» значение, только отчаявшись этот шифр разгадать.

Фоллесдаль Д. указывает, что объекты имеют три особенности, которые оказываются решающими для референции:

1. Объекты являются носителями большого числа свойств и отношений. Объект постигается как имеющий *намного большее число свойств*, чем мы знаем на данный момент. Объекты трансцендентны нашему познанию.

2. Объекты, за исключением математических и некоторых других [интересно каких], *изменяются* во времени. Один и тот же объект может иметь свойство в одно время и не иметь его в другое, при этом объект остается идентичным на протяжении всех изменений.

3. Мы сами *несовершенны* и можем иметь ложные убеждения об объектах. Мы стараемся корректировать эти убеждения, но все они, истинные или ложные, есть убеждения *об* объектах [см. 1, с. 4].

Обнаружить, *что* имя отсылает к чему-то, и понять, *как* мы это обнаруживаем (эпистемологический вопрос) – это и значит понять каким образом имя как нечто отсылает к чему-то (онтологический вопрос). Наши операции со словами необходимы для того, чтобы имена что-то значили, т. е. к чему-то отсылали. Хотя множество неизвестных имен могут отсылать людей к чему-то, о чем они не имеют представления. Когда мы это обнаруживаем? Во-первых, всякий раз при встрече с именами, объекты которых неясны или не даны, но только возможны. Во-вторых, нонсенс. К чему отсылает имя «Снарк»?

Несмотря на это, похоже, во всех ситуациях выполняется правило: *нечто (имя, слово, термин) настолько обладает значением, насколько мы обнаруживаем, что оно обладает значением. И то, как мы это обнаруживаем, говорит о том, как именно оно им обладает.* Например, высказывание «Мне (ему) больно» может быть разъяснено (обладать значением) трояко: 1) дефиниция (любого рода, хоть нейрофизиологическая, хоть биохимическая); 2) описание ощущения боли другим человеком (вид и поведение человека, испытывающего боль); 3) собственное ощущение боли (или воспоминание о ней). Т. е. у нас есть выбор: либо ментальная репрезентация боли (отчет – *радикальный редуccionизм* у Куайна), либо поиск синонимов, перевод.

Следует отличать суть онтологических и эпистемологических вопросов по отношению к языку и значениям, с одной стороны, и к фактам (объектам мира) – с другой. Я могу заявить «поскольку я знаю каким образом и что означает это слово, постольку оно вообще что-то означает». Например, назову ребенку значение какого-либо слова, отличное от общеупотребительного, и он будет пользоваться им, заметим, вполне успешно, не зная «правильного» значения. Правильного ли? Но я не мог заявить: «поскольку я знаю, что у человека четырехкамерное сердце, поэтому оно так и есть». Почему-то факты языка обладают большей пластичностью, чем все прочие факты, за исключением разве только фактов нашей психической жизни. В языке онтология и эпистемология имеют более тонкое различие.

Витгенштейн последовательно проблематизирует референцию: «Связь имени и предмета, мы можем сказать, состоит из неразборчивых знаков [каракулей], которые написаны на предмете (или другая такая же крайне тривиальная связь), и это все. Но мы не удовлетворены этим, так как чувствуем, что знаки, написанные на предмете, сами по себе не важны для нас и никоим образом нас не интересуют. И это верно; все значение заключается в определенном употреблении, которое мы находим для написанных на предмете знаков, и мы в определенном смысле упрощаем дело, когда говорим, что имя имеет странную

связь со своим предметом, отличное от того, которое существует между предметом и знаком, написанным на нем, или от того, когда кто-то, говоря о предмете, указывает на него пальцем. Прimitивная философия сводит полное употребление имени к идее связи, которая становится вследствие этого таинственной связью» [5, с. 265–266].

Едва ли указание на какую-то особую связь имени и предмета «упрощает дело», какова бы ни была природа этой особой связи. Витгенштейн нарочито рассматривает наиболее простые ситуации наименования, сужает объем понятия «предмет». Витгенштейн выступает здесь как реалист или объективист самого вульгарного толка, придерживающийся хронологической цепочки: «предмет – имя» или «предмет – образ – имя», а, по сути, все тот же треугольник отнесения.

Возможно ли, чтобы знак провоцировал существование объекта, а не наоборот? Психически больному человеку представляется, что он разговаривает с Иваном Карамазовым, хотя последний – это ни что иное, как совокупность знаков, обладающих определенным значением. Мы просто вынуждены относиться к таким образам серьезно, как к особой предметности, тем более в случаях, когда человек самого себя считает Иваном Карамазовым, Фаустом или Геростратом и поступает соответственно. Другой случай: мне снится сон, что я пишу книгу, некий текст. Проснувшись, я воспроизвожу этот текст на бумаге и убеждаюсь в том, что до того никогда такого текста не писал и не встречал у других авторов. Если текст обладает предметностью, то не является ли последняя производной от знаков, из которых этот текст состоит, а те, в свою очередь, от образов или теней знаков в моем сне. Не вникая в вопрос о существовании вещей снов, можно рассмотреть случаи действительного предвосхищения людьми некоторых событий и особенно случаи, когда образы и знаки не только предшествуют событию, но и провоцируют его. Так бывает всегда, когда я планирую свою деятельность с помощью знаков, описывая не действительное, но лишь возможное положение дел, которое затем реализуется. Не являются ли знаки в таких ситуациях первичной инстанцией по отношению к действительному положению дел? Особо следует отметить теории, связывающие так или иначе среду и мышление человека, в том числе и те знаки, которыми оно оперирует. Конечно, наш способ описания соответствует нашему способу мировосприятия, но часто бывает верно и обратное. Полная индифферентность знаков к обозначаемым ими объектам на деле обернулась бы настоящей катастрофой в отношении наших мотивов и самой возможности создавать знаки.

Мы не вполне произвольны в создании знаков, хотя, конечно, и не находим их готовыми, как прочие объекты мира. Графическая и акустическая форма знака, а также логический и смысловой строй языка множеством различных способов соотносится с тем, что мы называем реальностью. Помимо этого, язык продуцирует собственную, не менее реальную реальность, для описания которой создаются дополнительные системы знаков, и так до бесконечности. Речь идет о существовании предметности, изначально и до конца не покидающей пределы знаковости и просто кочующей от одной системы обозначений к другой.

Не так уж важно, как обозначить тот черный ящик, который находится между предметом и знаком, обозначающим этот предмет: мысль, образ, субъект, употребление знака и т. д. – важно лишь то, что он существует – человек как носитель языка. Он волен продуцировать и комбинировать знаки как ему вздумается, хотя часто это продуцирование, скорее, напоминает поиск, обнаружение, особенно в тех случаях, когда носитель языка руководствуется эстетическими соображениями. Может ли знак обозначать нечто, вне связи с

употреблением этого знака? Ответ Витгенштейна – нет. «Обозначать» – это то же, что и «символизировать»? Если эти слова могут быть синонимами хотя бы в одном из возможных контекстов, то знак *может* обозначать нечто, вне связи с его действительным употреблением. Разумеется, если никто, ни при каких обстоятельствах и ни в одном контексте не в состоянии употребить имя, то оно само не существует. Но мы не знаем таких имен, а значит, каждое имя должно иметь хотя бы один способ употребления. И несмотря на то, что «иметь способ употребления» еще не означает «действительно употребляться», налицо все тот же черный ящик в качестве теперь уже носителя способа употребления имени. По существу, Витгенштейн постулирует наличие постоянного посредника между именем и предметом, хотя это и не означает, что именованная предметность первичнее ситуации именованного.

«Философия, как мы употребляем это слово, является борьбой против очарования [колдовства, ослепления – *Faszination*], с помощью которого формы выражения оказывают давление на нас. Не забывай, что слова имеют значения, которые мы дали им; и мы даем им значения посредством объяснений [деклараций]. <...> ... многие слова не имеют строгого значения. Но это не недостаток [дефект, изъян]. Допущение, что это недостаток, равнялось бы допущению, что свет моей настольной лампы не является настоящим светом, так как не имеет четко очерченных контуров. <...> Ошибочно говорить, что в философии мы рассматриваем идеальный язык в противоположность нашему обыденному языку. Так как это создает видимость, что мы думаем, будто мы могли бы усовершенствовать обыденный язык. Но обыденный язык в совершенном порядке. Если мы конструируем “идеальные языки”, то не затем, чтобы заменять ими обыденный язык; нашей целью является, скорее, устранение смущения у кого-то, которое возникает из-за того, что он думает, будто понял точное употребление обычного слова» [4, с. 51–52].

Да, значения словам «дает» человек. Но ведь не обязательно я. Значения многих слов даются мне едва ли не насильно. Тут уж не до конвенций, часто это вопрос выживания в той или иной этнокультурной или половозрастной среде, в тех или иных социальных конгломератах. Язык современной литературы представляет собой конгломерат искусственных языков, часто не менее искусственных, чем язык логики или лингвистики. Считать современный литературный язык обыденным языком – значит, впасть в заблуждение. Философия также не использует обыденный язык или же находит обыденному языку иное употребление. Но ни один из языков, которые мы используем, не является идеальным, ни в смысле Фреге, ни в смысле Витгенштейна. Мы сами не слишком «идеальны» с точки зрения логики, поэтому наш язык *идеально* имитирует и отражает эту нашу неидеальность.

«Представь себе такой случай: мы даем кому-то команду идти в определенном направлении, указывая в каком именно направлении следует двигаться. Будем считать, что рисование стрелок является языком, на котором мы даем обычно такие команды. <...> Легко представлять себе случай, в котором мы договариваемся, например, чтобы ввести кого-то в заблуждение, что команда должна выполняться в смысле, который противоположен ее нормальному смыслу [исходному направлению стрелки]. Символ, который добавляет интерпретацию к нашей первоначальной стрелке, мог бы быть, например, обратной стрелкой. Как бы мы ни истолковывали символ, так или иначе, интерпретация [новая стрелка] является новым символом, который добавляется к старому. <...> Если эта схема

должна хоть сколько-нибудь служить нашей цели, то она должна указывать нам, какой из трех уровней является уровнем значения. Я могу устанавливать, например, схему с тремя уровнями, в которой нижний уровень всегда является уровнем значения. Но на какой бы модели или схеме ты не остановился, она будет иметь нижний уровень, который уже не подлежит интерпретации» [4, с. 60–61].

Здесь значение рассматривается как картина, постигаемая вдруг: стрелка и ее прямое значение и значение как шифр: обратная стрелка в качестве комментария к первой. Но у первого знака есть также и собственное, прямое значение, поскольку он совершенно недвусмысленно указывает некое направление. Поэтому трудно согласиться с тем, что значение – это всегда некая интерпретация. Если согласиться с тем, что значение – это ментальный процесс (помимо всего прочего), сопровождающий любой знак, некий внеязыковой комментарий к знаку, то критерием наличия у знака значения следует признать наличие у меня устойчивого отношения к знаку, которое позволяет мне узнавать этот знак в любой последовательности знаков. Кроме того, это отношение сохраняется даже при существенном изменении физической формы самого знака.

Витгенштейн рассматривает случай, когда значимым комментарием к стрелке выступает другая стрелка. Но таким комментарием мог бы стать и квадрат, и число 12, и алхимическая формула, то есть все, что угодно говорящему. У любого знака может быть не просто много значений, но эти последние могут быть из разных предметных областей или вовсе быть взаимоисключающими. Нетрудно заметить, что мы *постоянно* пребываем в ситуации рисования стрелок (присваивание маркеров значения), что это типично для нашего использования языка. Постоянная реинтерпретация усвоенных значений угрожает бесконечным регрессом, который останавливает лишь необходимость поддерживать нашу языковую способность в функциональном состоянии.

В подобных ситуациях важно уже то, что обычно я так себя не веду, поэтому все, что по виду напоминает знак, я склонен полагать знаком, подлежащим интерпретации, независимо от мотивации и настроений его создателя. Но если это так, то как возможна ситуация со стрелками у Витгенштейна, почему для нормальной интерпретации знака (стрелки) я все же должен знать *в точности*, что имел в виду (что обозначил) создатель данного знака. Иначе возникает другое затруднение, описанное в примере Х. Патнэма [2, с. 14].

Муравей, бегая по песку, видимо случайно «нарисовал» портрет Уинстона Черчилля. Осуществляет ли этот портрет референцию к реальному Уинстону Черчиллю? Полагаю, что это вопрос принципиального характера. Ясно, что муравей ничего не знает об Уинстоне Черчилле и не собирался рисовать его портрет. Это факт. Точнее, условимся считать это фактом. Мы говорим, что вся эта ситуация возникла *случайно*. Так же, как и похожесть облака на какое-либо животное. Тем не менее эта похожесть *имеет место*. Это также факт. Осуществляется ли референция к Уинстону Черчиллю в данном конкретном случае? Если я в оценке знака как знака буду совершенно игнорировать намерения его создателя, то придется признать, что *рисунок, похожий на Уинстона Черчилля, репрезентирует Уинстона Черчилля, даже если был создан случайно (муравьем, то есть без всякого ментального намерения)*. Даже если нет никого, кто знал бы, что это похоже на Уинстона Черчилля. Даже если бы рисунок рассматривали существа, никогда не видевшие людей. И даже если бы мы были «мозгами в бочке», или чьей-то выдумкой, иллюзией, рисунок все равно осуществлял бы референцию к Уинстону Черчиллю.

Для Патнэма рисунок муравья не осуществляет референции к Черчиллю именно потому, что муравей не собирался этого делать. Так же и надпись *Уинстон Черчилль*, возникшая случайно, не является *знаком*, поскольку такая функция не была в нее заложена. Но что-то здесь не так.

Во-первых, в мире много «случайных» референций (как в случае со стрелкой, нарисованной ребенком) и далеко не всякое создание или использование знаков осуществляется в соответствии с четким планом и ясной мотивацией.

Во-вторых, что бы там ни имел в виду муравей, его рисунок *действительно похож* на Черчилля и всякий, кто никогда до этого не видел Черчилля, скажет тем не менее, что рисунок напоминает некоего человека, а увидев самого Черчилля, сможет установить сходство с рисунком муравья. Почему бы не признать, что надпись *Уинстон Черчилль*, случайно возникшая на другой планете, является знаком, относящимся к Уинстону Черчиллю. Могут возразить, что в таком случае любой предмет или любую комбинацию предметов можно а priori считать знаками: надписями, портретами, указателями и пр. Мир переполнен референциями, которых мы не замечаем, т.е. мы пока не вполне компетентные интерпретаторы и, пожалуй, никогда таковыми не станем.

Если создатель знака обладал сознанием (в человеческом смысле), более того, создал знак *намеренно*, то лишь тогда мы считаем, что это знак, производящий референцию. Но вот ребенок рисует дом (или корову). В ряде случаев такой рисунок радикально не похож на изображаемый объект и для любого, кто знает, *как* выглядит дом (или корова), рисунок не осуществляет никакой референции, хотя для ребенка все обстоит иначе. Предположим, я рассматриваю детские рисунки давно умершего человека и не могу понять, что на них изображено. Должен ли я думать, что эти рисунки *ничего* не изображают? Едва ли. Кроме того, что дает мне уверенность, что в мире существуют совершенно случайные комбинации объектов? Фраза на русском языке, появившаяся на далекой планете, случайна лишь в одной языковой игре, да и то с многочисленными оговорками. Возможно, как и в случае с рисунком ребенка, мы просто «не в теме», не знаем всех обстоятельств, сделавших возможным данное событие. Скажем, муравей, рисующий портрет Уинстона Черчилля, может оказаться разумным существом или механизмом, управляемым дистанционно. Так может не стоит разбираться во всех возможных обстоятельствах и версиях происходящего, а раз и навсегда признать, что *референция безотносительна к нашему знанию о намерениях создателя знака*. Достаточно и того, что я усматриваю связь между знаком и некоторым содержанием.

Это можно назвать парадоксом референции: намерение создателя знака является необходимым для осуществления референции, но реципиент способен прочитывать и понять знак, не принимая во внимание намерение его создателя.

Существуют и другие трудности в понимании референции: *чем более реальным мы полагаем объект, тем меньшей онтологической прозрачностью он обладает*. Или – наиболее очевидная референция к объекту продуцирует (выявляет) наименее очевидные условия существования данного объекта.

Третьим парадоксом можно считать осуществление и признание осуществления референции в языке, которого я не знаю. Т. е. референция к неизвестному объекту. Наконец, четвертый парадокс (апория): картина, лежащая в подвале, или текст, который никто никогда не прочтет и не поймет (Вавилонская библиотека Борхеса), также осуществляют референцию. К чему, собственно? Или кем? Референция, осуществляемая без субъекта.



Конечно, в реальных ситуациях языкового взаимодействия я постоянно выясняю, что подразумевается в том или ином случае, т. е. занимаюсь интерпретацией. Иногда по виду осмысленная речь оказывается бессмыслицей, так же, как и стрелка на стене может ни на что не указывать. Можно возразить, что и бессмыслица является знаком, подлежащим интерпретации, возможно, и рисунок муравья можно как-то интерпретировать с помощью некоего муравьиного психоанализа. Допустим, что это просто шутка, но возможность интерпретации портрета Уинстона Черчилля, нарисованного муравьем, может быть вовсе не шуткой для человека верующего.

### Выводы

Настоящий очерк является лишь первым опытом в отношении универсальной и в то же время прагматичной теории референции. Те затруднения, которые здесь описаны, являются не только и не столько препятствиями на этом пути, но ключевыми пунктами, в которых наша мысль вынуждена возвращаться к себе самой и своим собственным основаниям.

### References

1. *Follesdal D.* (1986). Reference and Sense. *Philosophy and Culture (Proceedings of the XVIIth World Congress of Philosophy, Monreal, August 21–27, 1983)*. Editions Montmorency Monreal, pp. 229–239.
2. *Putnam H.* (2002). Reason, truth and history. Transl. from English T. A. Dmitrieva and M. V. Lebedeva. Moskow, Praxis, 296 p.
3. *Quine W. V. O.* (2003). From a Logical Point of View. 9 Logico-Philosophical Essays. Second Ed., revised. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 184 p.
4. *Wittgenstein L.* (1984). Das Blaue Buch. In: Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden. B. 5., Frankfurt am Main, S. 7–116.
5. *Wittgenstein L.* (1984). Das Braune Buch. In: Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden. B. 5., Frankfurt am Main, S. 117–282.

*Received 20.02.2020*

*Accepted 27.02.2020*